

Электоральные макро- и мезорайоны Республики Корея

Фёдор Михайлович Чернецкий

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, fedor.mche@gmail.com

Аннотация. Районирование – традиционное направление и "визитная карточка" российской географии. Однако политико-географическое районирование существенно уступает в разработанности социально-географическому, экономическому, экологическому и рекреационному. В статье предложена методика районирования, разработанная в ходе анализа электорального пространства Республики Корея. Южнокорейская электоральная география – один из самых подходящих "полигонов" для подобных исследований из-за высокой роли регионального фактора. Представлена сетка макро- и мезорайонов – верхних и наиболее значимых "этажей" электорального районирования страны. Особое внимание уделено связям между регионализмом и районированием.
Ключевые слова: электоральная география, электоральные районы, районирование, Республика Корея, регионализм

Работа выполнена в рамках темы государственного задания "Теория и практика эволюционного страноведения в условиях глобальных вызовов" (№ ЦИТИС 121051400060-2).

Для цитирования: Чернецкий Ф. М. Электоральные макро- и мезорайоны Республики Корея // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2025. Т. 19, № 2. С. 31–44.
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/31-44>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/31-44>

South Korean electoral macro- and mesoregions

Fedor M. Chernetskii

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, fedor.mche@gmail.com

Abstract. Regionalization is a traditional method and "landmark" of Russian geography. However, political regionalization is not as common as socio-geographical, economic, and ecological. This article proposes a new methodology based on the analysis of South Korea electoral landscape. South Korean electoral geography is a good example can be used for this type of research, as the regional factor plays a significant role there. A grid of macro- and meso-regions is presented. The article also emphasizes the connections between regionalism and regionalization.
Key words: electoral geography, electoral regions, regionalization, Republic of Korea, regionalism

The research was carried out within the framework of the state assignment project "Theory and Practice of Evolutionary Country Studies under Global Challenges" (Project No. CITIS 121051400060-2).

For citation: Chernetskii F. M. South Korean electoral macro- and mesoregions // Ojkumena. Regional Researches. 2025. Vol. 19, No. 2. P. 31–44. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2025-2/31-44>

Электоральная география Республики Корея (далее РК) выделяется своеобразием на фоне стран Европы и Америки, в которых пространственные закономерности на выборах изучаются дольше и подробнее. Ключевых особенностей две. Первая – нетипичная партийная система, основанная не на привычных для сравниваемых контекстов идеологических основаниях, а на расхождениях во внешней политике и отношении к национальной истории с сильной персонификацией и волатильностью. Вторая – политический регионализм, сформированный существовавшими ранее межрегиональным экономическим неравенством, региональными дискриминацией и фаворитизмом, а не обособлением регионов в силу специфики их этноконфессиональной структуры или исторического контекста.

В корееведческих исследованиях крайне мало географических, тем более политико-географических работ. Относительно подробному анализу был подвергнут лишь регионализм, однако разнообразие подходов к исследованию данного феномена невелико. Исследования в основном затрагивали вопросы генезиса регионализма, анализировались разные факторы его формирования (исторический, экономический, социально-психологический) [12; 14; 24], особое внимание уделялось влиянию отдельных политиков [16; 22] и межрегионального неравенства в ходе модернизации [16; 19] на политическое региональное противостояние; количественным метрикам регионализма и его динамике (снижению выраженности) [15; 18]; различиям в сущности регионалистских движений в разных регионах [22; 25]; соотношению влияния на географию результатов выборов регионализма и прочих факторов [17; 18].

При этом анализ в большинстве случаев ограничивался уровнем провинций и регионов без детального рассмотрения более дробных уровней агрегации данных, а внимание уделялось в основном лишь двум-трём наиболее "очевидным" политическим регионам [16].

В данной статье предлагается нестандартный для корееведческих, но привычный для географических исследований подход – упорядочивание знаний о территориальной электоральной структуре с помощью районного подхода, т. е. через сетку электоральных районов разных уровней.

Южнокорейский контекст

Электоральная география Республики Корея определяется двумя основными факторами – регионализмом и поколенческим расколом. На выборах доминирует два крупных политических лагеря: условно "консервативный" и условно "либеральный". Условность названий вызвана несоответствием понимания данных терминов в корейском и европейском / американском контекстах. Основные партии различаются не столько взглядами на экономику и социальные вопросы, сколько на внешнюю политику и историю. Расхождения по социально-экономическим вопросам присутствуют, хотя их значение не столь велико [23, p. 261–262].

Партии весьма нестабильны, нередко меняют названия, разделяются, исчезают и объединяются. В данной статье для избежания путаницы используются названия политических лагерей. Кроме двух основных партий, существует ряд "миноритарных", отделяющихся от основных или образующихся "на краях" политического спектра. Их успех редок и недолог, кроме более стабильных крайне левых партий – небольшой и "маргинальной" части политического спектра [2, с. 85].

Регионализм, выражающийся в существовании стабильных баз поддержки двух основных политических лагерей в южных регионах страны – главная особенность южнокорейской политики. Либералы опираются на поддержку региона Чолла (юго-запад), консерваторы – региона Кёнсан (юго-восток). Такая территориальная структура сформировалась в 1960–1980-х гг. как следствие неравномерности экономического развития страны и региональной дискриминации [2, с. 85–87]. Политические лидеры активно апеллировали к региональным чувствам и интересам избирателей либо для поддержки сохранения доминирующего положения региона (в Кёнсане), либо для борьбы с несправедливостью региональной дискриминации (в Чолла) [9, с. 71–73], поэтому "регионы в корейской политике следует рассматривать не как пассивные субъекты политического процесса, а как форму представительства и самовыражения в ходе электорального процесса" [16, p. 102].

Второй ключевой фактор дифференциации электорального пространства РК – поколенческий раскол. Представители "поколения 6–25" / "поколения индустриализации", родившиеся до 1960-х гг. и заставшие колониальный период, Корейскую войну, и / или послевоенную нищету, голосуют за консерваторов как в некоторой степени наследников правящих партий времён индустриализации и правления военных (1961–1993 гг.). Представители следующего поколения – "поколения 586" – поддерживают либералов, следующих оппозиционным движениям тех лет. Они родились в 1960–1970-х гг., социализировались политически в студенческих и продемократических движениях 1980–1990-х гг. и к нынешнему моменту достигли возраста 50 лет. Младшее поколение, ставшее частью электората в 2000–2020 гг., не имеет стабильных электоральных предпочтений и колеблется между поддержкой либералов и консерваторов [13, p. 139–143].

Старшее поколение избирателей преобладает в периферийных областях страны (сельская и мелкогородская местность), а также в некоторых старых городских ядрах. Пожилой электорат крайне активен на выборах, в отличие от избирателей младших возрастов, поэтому его доля в активном электорате существенно выше его доли в населении. Доля представителей "поколения 586" выше в многоэтажных пригородах, а молодого электората – в области между старыми ядрами и пригородами, а также в местах локализации университетских кампусов (студенты) и военных баз ("призывники"). В итоге на выборах формируется центр-периферийный раскол с инверсией в центрах: консервативные городские центры, либеральные пригороды, консервативная

периферия и колеблющиеся переходные зоны между ними. В южнокорейской электоральной географии и политике этот раскол называется "йочхон-ядо" ("요촌야도") – "город-село" [10, p. 142].

Материалы и методы

Источник данных о выборах в Республике Корея – Национальная избирательная комиссия РК (NEC) [20]. Данные анализировались на максимально дробном территориальном уровне, однако для нужд данной статьи такая дробность оказалось излишней, так как полученная сетка электоральных районов "верхних уровней" не нарушает целостности муниципалитетов. Исследовались все выборы, произошедшие за рассматриваемый период (1948–2024 гг.), включая региональные и местные. Не все они пригодны для анализа либо из-за отсутствия на некоторых из них института политических партий, что затрудняет анализ и сравнения, либо из-за изъянов, характерных для ряда первых выборов, искажающих их результаты: распространённость использования властями административного ресурса, подкупа и запугивания избирателей и кандидатов, прямых фальсификаций.

Большинство работ, исследующих географию голосований, выполнено в рамках т. н. экологического / композиционного подхода, предполагающего соотношение социально-экономической структуры общества с географией поддержки участников выборов. То есть определяется зависимость результатов выборов от набора простых социально-экономических показателей (половозрастная структура, уровни доходов, образования, безработицы и др.). Южнокорейский регионализм усложняет возможность использования данного подхода, так как влияние основных факторов в региональном отношении гетерогенно.

Иногда проводится классификация или типология ячеек территориального деления исследуемой страны по отношению влияния политических партий и их кандидатов на выборах за определенный период. Периодически они даже представляются как районирование, однако районирование предполагает несколько иной набор операций, а результат районирования скорее качественный, а не количественный. В данном исследовании применяется именно районный подход, для РК ещё не использовавшийся и, по мнению автора, применимый лучше, чем любой иной в силу значимости для электоральной географии страны политического регионализма.

Районирование как метод электорально-географических исследований

Районирование – "визитная карточка" российской географии и уже традиционный метод, используемый, хоть и редко, в электоральной географии. Создание сетки районов зачастую ставится как одна из основных целей, воспринимаемая как "венец исследования", "наиболее высокий уровень обобщения политико-географического материала" и "важнейший результат электорально-географического исследования". При этом понимание сущности районов у авторов заметно различается [8, с. 168].

Введение понятия "политико-географический район" (ПГР) принадлежит В. А. Колосову: "сложная пространственная социально-экономическая система, характеризующаяся устойчивыми сочетаниями (типом соотношения) политических сил и обуславливающих его комплексом признаков" [5, с. 11]. К признакам ПГР относятся: одинаковая реакция на политические изменения, однотипность социально-экономической базы и этнонационального состава населения, историческая общность, соотношения политических сил. При этом в исследовании Колосова районы выделялись преимущественно по количественным характеристикам – уровням поддержки трёх "партийных семей" [5, с. 215].

Позже в диссертации К. Э. Аксёнова, посвящённой политической географии США, было определено понятие электоральный район (ЭР) – "пространственная социально-политическая система, характеризующаяся однородностью поведения избирателей на выборах внутри составляющих её территориальных единиц и существенно отличающаяся от соседей" [1, с. 118]. По сути, оно было уточнением определения ПГР по Колосову для отдельной отрасли политической географии, хоть и с некоторыми отличиями. Ключевое

из них заключалось в восприятии "места" уже не как контейнера для наблюдаемых политических процессов, а как фактора этих процессов [8, с. 174].

Впоследствии Н. В. Петровым¹ и А. С. Титковым было выполнено несколько вариантов электорального районирования РФ. Однако в их работах районирование уже не воспринималось как "венец электорально-географического исследования", а более значимое положение занял "электоральный ландшафт" – "целостная, воспроизводящаяся от голосования к голосованию система закономерных связей между собой во времени и пространстве элементов электорального поведения социумов, а также факторов, их определяющих" [6, с. 18]. Предлагалось воспринимать электоральное пространство не через призму отдельных районов, а континуально, как непрерывное поле, визуализируемое с помощью градиентов и изолиний ("изозлект"). Районы же – макроструктурные элементы (плиты) электорального ландшафта, получаемые путём кластеризации ячеек по сходству электоральных предпочтений.

Этот подход хорошо применим при анализе российских выборов, характеризующихся скорее градиентными расколами между северными и южными регионами, городами и сельской местностью, а не обособлением отдельных регионов / районов. Однако в других странах, в т. ч. в РК, такой метод может оказаться неэффективным из-за свойственной им чёткой дискретной сегментации электорального пространства [8, с. 178].

В последние 20 лет по разным причинам произошло постепенное вымораживание районирования как метода электоральных исследований. Зачастую районирование свелось к "эрзац-районированию" – определению электоральных районов как мест со стабильно повышенной или пониженной поддержкой той или иной группы политических сил и типологиям регионов по электоральным характеристикам, что принципиально отличается от первоначальной сути электорального районирования. В этих исследованиях пространство – пассивноеместилище политических процессов, а не активный и иногда важнейший фактор этих процессов [8, с. 182].

Результаты

Схема районирования. В настоящей статье предлагается оригинальная схема районирования электорального пространства страны и рассматриваются верхние (иерархически) уровни сетки электорального районирования РК. Всего было выделено пять уровней районов: макро- и мезорайоны, районы, под- и микрорайоны. Районы разных уровней различаются не столько размерами, сколько сущностью и принципом выявления (*рис. 1*).

Однородность обширной территории по какому-либо количественному признаку – редкое явление. Поэтому обособление крупных территориальных отдельных районов – следствие более комплексных причин. Например, Д. Элазар обобщал политическое разнообразие в США посредством выделения трёх политических культур (моралистской, индивидуалистской и традиционалистской) [11, р. 105–107], создающих фундамент² для качественных различий на выборах, которые, на первый взгляд, могут быть не видны из-за явных внутренних количественных различий.

Количественные предикторы электоральных предпочтений избирателей гораздо важнее при формировании территориальных структур на среднем масштабном уровне. Например, именно они становятся генезисом центр-периферийных расколов в большинстве стран. Этими предикторами могут выступать "простые" количественные характеристики электората. Так, в случае Кореи – возрастная структура избирателей. Подобные признаки не могут обеспечивать однородность больших территорий, например провинций и регионов.

Электоральные макрорайоны различаются качественными характеристиками региональных политических культур (РПК) – "специфических политических субкультур, отражающих региональные особенности в способе восприятия политической деятельности, способе её оценки и, как следствие, способе действия" [3, с. 139]. Неформальные общественные институты – то,

¹ Внесён Министерством юстиции РФ в реестр иностранных агентов.

² Элазар называл их "политической геологией" страны.

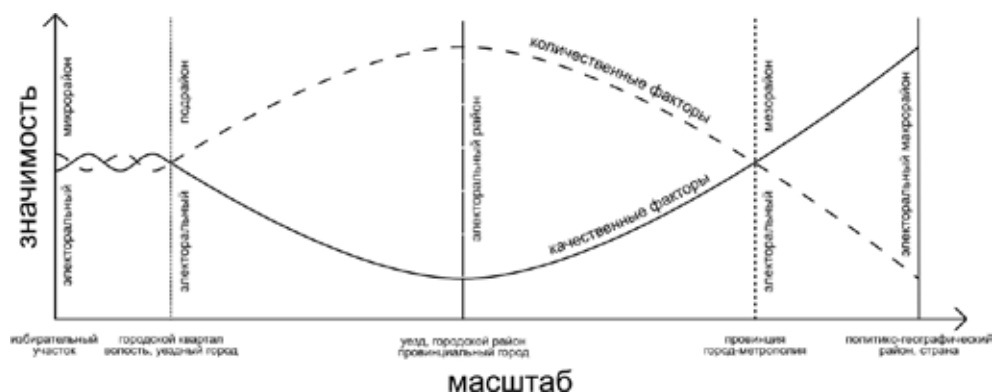

Рис. 1. Уровни электорального районирования

Fig. 1. Levels of electoral regionalization

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

как "устроена политическая жизнь", как проявляются идентичность и самосознание избирателей, в них принципиально различны. Место выступает не в роли пассивного вместилища пространственной неоднородности электоральных процессов, а как один из ключевых факторов этих процессов. Это районы в узком смысле слова – части территории, обладающие внутренней связностью компонентов, единством и целостностью [7, с. 200]. Количественные различия не столь важны, поэтому внутри одного макрорайона могут сочетаться территории с полярными количественными характеристиками, но общей региональной политической культурой.

Их антипод – **электоральные районы**, различающиеся количественно. Отнесение таких районов к отдельному уровню районирования, во-первых, позволяет не смешивать несколько принципов выявления районов. Во-вторых, соответствует доминирующему в дисциплине принципу – определению районов как областей со стабильными и специфичными (количественно) электоральными предпочтениями избирателей. Это районы, в широком смысле слова, – части территории, отличающиеся каким-либо свойством [7, с. 200]. В электорально-географических исследованиях доминирует подход, в рамках которого любой электоральный район – просто область / зона / ареал с относительно высокими или низкими уровнями поддержки основных политических сил. Прием такой подход для среднего уровня районирования. Полученные электоральные районы будут различаться почти только тем, какие доли электората в них склоняются к поддержке основных партий и кандидатов. Заметим, что наделение электоральных районов (среднего уровня) только количественными свойствами существенно снижает их своеобразие, однако рассматривать их вне контекста полной полимасштабной системы районов бессмысленно.

Промежуточный уровень – **электоральные мезорайоны**. Это необязательный, то есть покрывающий не всю территорию страны элемент, необходимый для сглаживания перехода от верхних "этажей" к средним и нижним. Необходимость эта вызвана уже описанной возможностью нахождения в одном макрорайоне территорий с диаметрально противоположными электоральными ориентациями на разные политические силы, но с общей политической культурой. Общность способа взаимодействия с политикой у электората не гарантирует его гомогенности в политических реакциях.

Средний и нижние уровни электорального районирования в данной статье не рассматриваются, поэтому лишь кратко охарактеризуем принципы их выделения. **Электоральные подрайоны** невелики по размерам, выделяются и качественно, и количественно. Генезис **электоральных микрорайонов** вариативнее. Они могут выделяться по любому сочетанию количественных и качественных факторов, например, из-за концентрации специфической группы избирателей, имеющей в конкретном локальном контексте специфические

электоральные предпочтения; или инаковостью способа восприятия политической жизни, способа её оценки и способа реакции на выборах.

Не будет большим упрощением использовать следующий принцип: к электоральным под- и микрорайонам можно отнести любые аномалии, получающие данный статус из-за отклонения электоральных предпочтений избирателей в какой-либо области от доминирующих в соответствующем электоральном районе (среднего уровня) и которые невозможно объяснить с помощью классического для дисциплины "экологического подхода" с небольшим количеством независимых переменных, имеющих высокую объяснительную силу для большинства электоральных районов. Подрайоны крупнее и иногда сравнимы с районами размерами, отличаясь от них качественным своеобразием. Микрорайоны существенно меньше, но генетически вариативнее – это любые мелкие электоральные аномалии.

Макрорайоны: Юг и Север. Упорядочив данные о результатах выборов в РК за исследуемый период в соответствии с описанной схемой, получим сетку районов разных уровней. Электоральные макрорайоны, близкие сущностно к понятию политико-географических регионов / стран, сложились как следствие дихотомии между северными и южными регионами РК – следствию воздействия регионализма на электоральную географию. Регионализму подвержены только южные регионы Чолла (Хонам), Кёнсан (Йоннам) и в меньшей степени Чхунчхон (Хосо) (рис. 2), тогда как в северной части страны региональный фактор практически отсутствует, а электоральные расколы подчинены центр-периферийной модели – следствие поколенческого раскола на выборах. К этому макрорайону относятся Столичный регион, Канвондо, в некоторые периоды Чхунчхон и остров Чеджудо, географически относящийся к южной части страны, но электорально близкий к северной.

Важно, что Северный и Южный макрорайоны различаются не тем, что они обычно служат электоральными базами каких-либо партий, как в большинстве схем электоральных районирований других стран. Различия между ними носят более сущностный характер. Сама политика на Юге и на Севере воспринимается не одинаково, в этих макрорайонах сформировались разные политические культуры, различающиеся способом восприятия политической деятельности избирателями, функционированием электоральных расколов, восприятием нормы в политике, способом организации электората и политических акторов на выборах, посредством партий разных типов (регионалистских, идеологических, партий-спутников), оценкой и реакцией на политические события.

Например, на границе макрорайонов, совпадающей с границей провинций Северная Чхунчхон, и Северная Кёнсан (север Йоннама) разница между соседними горными сельскими областями, находящимися в разных макрорайонах (например, юг уезда Тамян в Чхунчхоне и север уезда Йечхон или Йонджу), в поддержке основных политических сил крайне мала, однако мы относим их к разным макрорайонам. Причина – разница в генезисе результирующих показателей: к югу от границы повышенную поддержку консерваторов обеспечивает регионализм; к северу – высокая доля пожилых избирателей в структуре электората. Данные факторы первичны, тогда как величины конкретных электоральных показателей – лишь их производные. Однако при количественном подходе эти области были бы отнесены к одному району, ибо граница не видна. В нашей схеме подобная количественная, а не "генетическая" схожесть будет причиной для объединения в один район только на среднем "этаже" районирования.

Для начала рассмотрим четыре стадии электорального районообразования в Корее более последовательно: стадию отсутствия районов (дорайонная); районообразования; закрепления (апогея); и "эрозии" (ослабления) районов.

1. Дорайонная стадия (1948–1963 гг.). На первых выборах в РК 1940–1960-х гг. не фиксировалось больших однородных и самобытных электоральных районов. Вместо них электоральное пространство группировалось в "электоральные местности" – небольшие области с гомогенными электоральными предпочтениями избирателей, изменчивые, аморфные и не обладающие сильными внутренними связями. Электоральный рисунок на этих выборах был мозаичен и никаких современных территориальных структур не наблюдалось, кроме слабой дифференциации по линии центр – периферия.

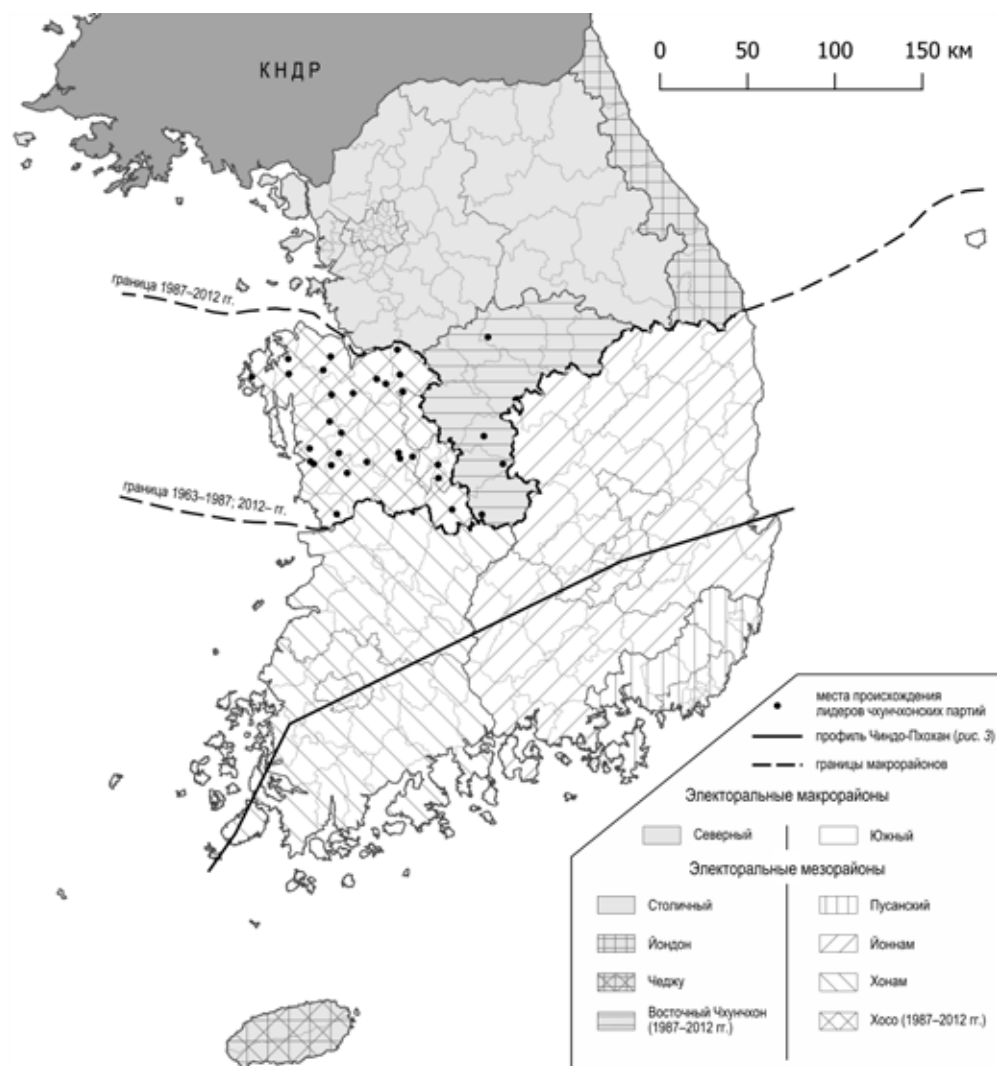

Рис. 2. Электоральные макро- и мезорайоны Республики Корея

Fig. 2. South Korean electoral macro- and mesoregions

Источник: составлено автором.

Source: compiled by the author.

Примеры развития территориальных структур на выборах в других странах показали, что для формирования устойчивых территориальных блоков, отличных от соседних и обладающих внутренней связностью, гомогенностью и сонаправленностью развития, требуется время. В некоторых странах, где активная политическая жизнь в похожем на современный виде появилась до института относительно всеобщих выборов, такие структуры (районы) могут формироваться быстро. В других случаях институт выборов приобретался одновременно с основными государственными институтами. Представление о политике в обществе ещё не сформировалось, но голосования уже проводятся. В таких случаях на выборах редко быстро формируются крупные однородные отдельные, охватывающие целые регионы. Карта результатов выборов мозаична, политика ещё не национализирована, поэтому распространён локализм, а чёткие электоральные расколы ещё не закрепились в партийной системе. Так, например, выглядит электоральная география современных Папуа – Новой Гвинеи, Соломоновых островов и Вануату.

Так в некоторой степени можно охарактеризовать территориальные электоральные структуры многих европейских и азиатских стран на ряде первых выборов. Устойчивых электоральных районов ещё нет, а однородность электоральных предпочтений свойственна скорее небольшим местностям [21, р. 65]. Например, в Индонезии на первых после окончания диктатуры Сухарто выборах сформировался "хаотичный фрагментарный" и очень дробный рисунок, как и в "России 1993 г., когда избиратели регионов ещё не определились в своих предпочтениях" [4, с. 143]. Однако такая фрагментарность территориальных электоральных структур не существует долго.

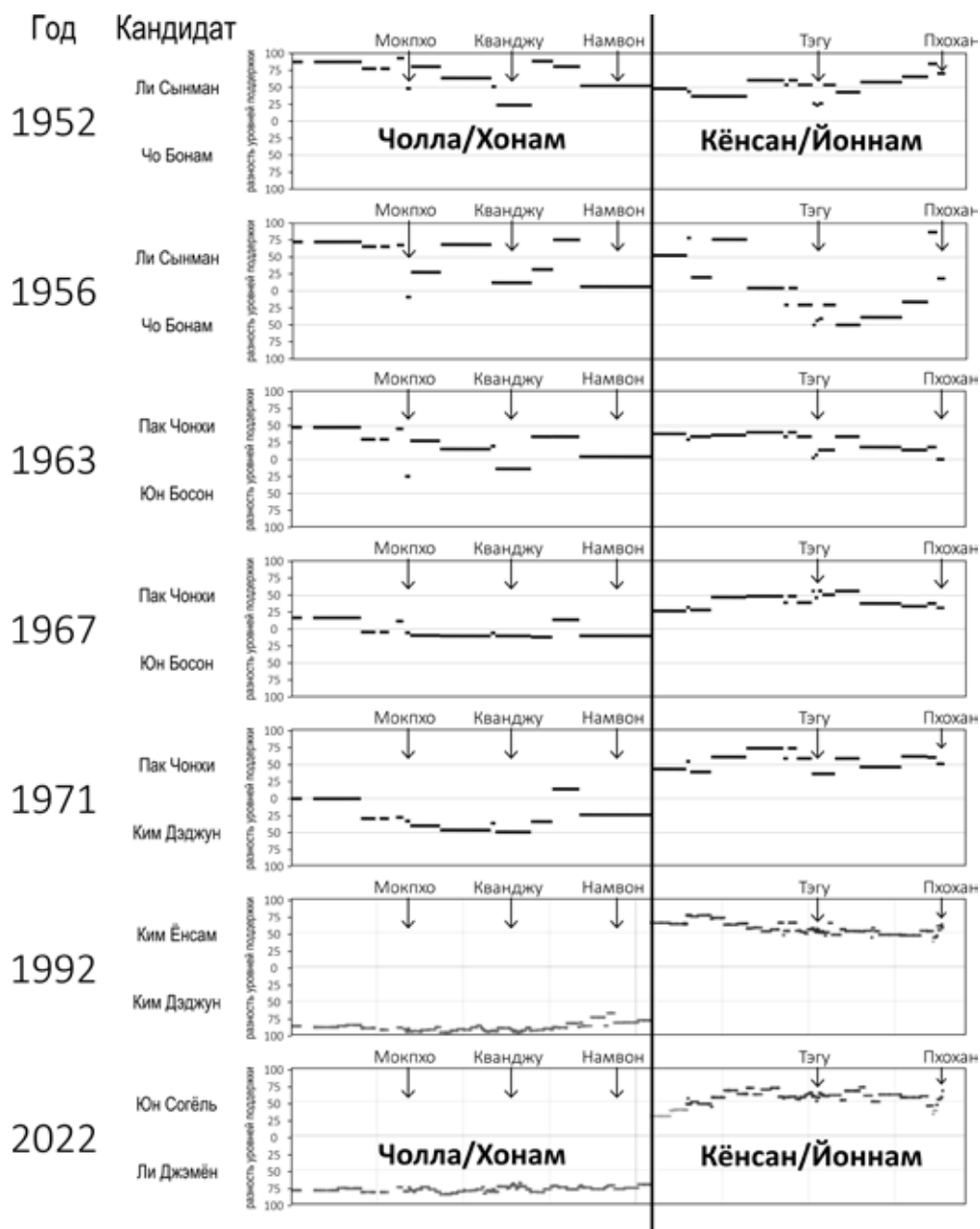
Электоральный район – продукт современного "массового общества", проходящего процессы индустриализации, урбанизации и национализации политики и многих других сфер жизни, информационных потоков, языка / диалектов, неформальных институтов и др. Политика приобретает относительно современный вид, формируются устойчивые политические интересы территориальных общностей людей, снижается волатильность на выборах, а основные политические силы укореняются в своих электоральных базах в разных социально-демографических группах и территориях.

2. Стадия районообразования (1963–1987 гг.). Районообразование на выборах в РК началось в 1960-х гг. после военного переворота Пак Чонхи, новых выборов (1963 г.), начала индустриализации, урбанизации, переформатирования партийной системы и вообще появления политических партий в современном виде. Стремительное экономическое развитие страны было поляризованным. Ставка делалась на несколько "полюсов роста" с лучшими конкурентными преимуществами: Столичный регион и юго-восток (регион Кёнсан). Именно из Кёнсана происходил Пак Чонхи и большая часть политической, военной и бизнес-элит, оформившихся при Паке. Отчасти поэтому регион получил непропорционально большую государственную поддержку и внимание со стороны властей [9, с. 72]. При этом юго-запад (регион Чолла) был обделён вниманием при разработке экономической политики. Даже активные попытки местных предпринимателей, политических, профсоюзных и религиозных деятелей добиться реализации крупных инфраструктурных и промышленных проектов почти не имели успеха. Такой подход со стороны национальных властей спровоцировал формирование у местных политиков и части избирателей ощущения исключённости из процесса модернизации.

Южнокорейский случай примечателен тем, что формирование районов можно наблюдать на электоральных картах по стадиям. Для демонстрации формирования районов результаты серии выборов показаны на профиле (рис. 3), положение которого на карте показано на рисунке 2. На каждом профиле горизонтальными линиями показаны административные единицы II-го или III-го уровней. Положение этих территориальных единиц по вертикали определяется разностью поддержки в них консервативных и либеральных кандидатов на президентских выборах.

Значимых межрегиональных различий на выборах 1952–1963 гг. не было. Пониженная поддержка консерваторов Ли Сынмана и Пак Чонхи фиксируется в крупных и средних городах обоих регионов, а внутрирегиональные различия больше межрегиональных. В 1967 г. картина меняется: в Кёнсане крупнейший город демонстрирует повышенный уровень поддержки Пак Чонхи, а периферия региона оказывает ему меньшую поддержку. В Чолла он уступает оппоненту, но чёткой внутрирегиональной структуры ещё нет. В 1971 г. межрегиональные различия увеличиваются, но в Чолла периферийные области ещё не полностью охвачены общим для мезорайона типом электорального поведения. На графиках чётко видны места локализации "районных синдромов" (ядер районов) – крупнейшие города: Тэгу – родина Пак Чонхи и место, где избиратели первыми приняли стратегию поддержки на выборах земляков; и Кванджу – столица и политический центр Чолла / Хонама, в котором кристаллизуется региональная оппозиция. Похожие, но менее выраженные процессы заметны и на парламентских выборах.

Между 1963 и 1967 гг. произошло переформатирование электорально-го рисунка страны из неустойчивого и мозаичного со слабым центр-периферийным расколом в чёткий регионализированный с явным делением на Север, не подверженный регионализму, и Юг, где избиратели руководствовались преимущественно регионалистским принципом. Именно во второй половине

Примечание: Вертикальная ось – разность между % голосов, отданных за кандидата-консерватора, и % голосов за кандидата-либерала. Чем выше разность, тем больше преимущество консерваторов, чем ниже, тем больше преимущество либералов.

Рис. 3. Разница в поддержке консерваторов и либералов на президентских выборах 1952–2022 гг. вдоль профиля Чиндо – Пхохан

Fig. 3. The difference in support for conservatives and liberals in the presidential elections of 1952–2022 along the Jindo – Pohang profile

Источник: составлено автором по данным NEC [20].

Source: compiled by the author according to NEC [20].

1960-х гг. формируются Южный и Северный электоральные макрорайоны с разными политическими культурами. Причём основной количественный раскол между электоральными базами основных политических сил (Хонамский и Йоннамский мезорайоны³) сформировался тогда же и находился в пределах одного (Южного) макрорайона.

В 1980–1990-х гг. мезорайоны формируются окончательно, вследствие чего на профиле видны две монолитные "плиты" районов (рис. 3). Разница в поддержке кандидатов в этих регионах достигает 60–75 процентных пунктов.

3. Стадия закрепления районов (1987–2002 гг.). Апогея регионализм достиг на первых относительно свободных президентских выборах в 1987 г., на которых четверо основных кандидатов получили подавляющее большинство голосов в своих родных регионах: Чолла, Северном Кёнсане, Южном Кёнсане и Чхунчхоне. Регионы "стали связующим звеном, через которое гражданское общество реагировало на политический процесс" [16, p. 104].

Регионализм в Чхунчхоне был попыткой имитировать регионализм в Чолла и Кёнсане и никак не проявлялся до 1987 г. В этих двух южных регионах региональный сентимент активировался и поддерживался в виде "слепой" поддержки местных представителей из-за региональной дискриминации или фаворитизма. Однако политики в Чхунчхоне не могли опереться на электорат, недовольный региональным неравенством, так как регион не отставал в экономическом развитии от среднего уровня, а местные представители не были исключены из политической элиты. Кандидат, получивший в 1987 г. большинство голосов избирателей в Чхунчхоне, – Ким Джонпхиль был членом семьи и соратником Пак Чонхи. В 1987 г., когда оппозиция оказалась расколота по региональному принципу, Ким увидел возможность для консолидации электората его региона вокруг идеи отстаивания местных интересов, как в Чолла и Кёнсане. Далее он продолжил эту линию на парламентских выборах, и до 2000-х гг. его партия побеждала в большинстве избирательных округов региона [25, p. 47]. Однако в Чхунчхоне, где отсутствовали сильные факторы, подпитывавшие регионалистские настроения, как это происходило в других регионах, регионализм оказался слабее. Местная партия с трудом удерживала региональное лидерство, в итоге уступив конкурентам [25, p. 59].

То есть с 1987 г. по начало 2010-х гг. Чхунчхон относился к Южному макрорайону, будучи одним из его мезорайонов. До этого весь регион относился к Северному макрорайону, не выделяясь на фоне других его частей. В последние 10 лет он вновь стал такой же частью Северного макрорайона. В 1987–2012 гг. мезорайон Хосо⁴ имел те же свойства, что и южные, однако определение границ района проблематичнее. Границы Хонамского и Йоннамского мезорайонов чётко совпадают с административными границами соответствующих провинций – именно в этих пределах избиратели чувствуют принадлежность к региональной общности, сформировались идентичность, стереотипы, система региональной неприязни и дискриминации. Однако в Хосо ситуация сложнее.

С одной стороны, к мезорайону можно отнести весь регион, т. к. во всех его частях избиратели в той или иной степени были подвержены регионалистским настроениям. С другой стороны, успеха чхунчхонские регионалисты достигали только в западной части региона, да и большинство из них происходило именно с запада региона (рис. 2)⁵, из-за чего избиратели на востоке региона не воспринимали их как "своих" [25, p. 61]. В итоге можем определить мезорайон Хосо как провинцию Южная Чхунчхон, Седжон и Тэджон, а

³ Топонимы Чолла и Кёнсан обычно используются для обозначения провинций внутри соответствующих регионов. Для обозначения самих регионов раньше чаще использовались названия Хонам и Йоннам соответственно. Однако всё чаще названия провинция стали использоваться для обозначения регионов целиком. В данной работе для мезорайонов используются старые названия, чтобы не путать их с провинциями.

⁴ Другое название региона Чхунчхон.

⁵ На рисунке 2 показаны только лидеры чхунчхонских партий, родившиеся в Чхунчхоне. Ещё несколько происходят из других регионов (в основном из Кёнсана), однако их влияние не важно для внутрирегиональной дифференциации электорального пространства. Чтобы не перегружать рисунок, места их происхождения на карте не показаны.

соседствующие с ними области провинции Северная Чхунчхон как широкую градиентную границу с Северным макрорайоном, включающим в себя остальную часть провинции в виде отдельного мезорайона.

В рассматриваемый период (1987–2002 гг.) макро- и мезорайоны обрели свою форму и закрепились как наиболее значимые территориальные сущности на выборах. Регионы, которым политики и избиратели придают политическую значимость, становятся осмысленными как особые политические пространства и используются акторами для реализации собственных стратегических целей.

4. Стадия "эрозии" районов (с 2002 г.). Начало постепенного разрушения целостности районов в 2002–2004 гг. связано с двумя событиями. Первое – президентские выборы 2002 г., на которых кандидатом от либерального лагеря (с базой в Хонаме / Чолла) стал Но Мухён – выходец из Пусанского региона (Йоннам / Кёнсан). Его участие в выборах привело к сдвигу в сторону либералов ряда районов юга Кёнсана: Кимхэ (родина Но), западного Пусана (область политической активности Но и его соратников) и районов с сильными профсоюзами (Чханвон, Ульсан, Кодже). Механизм этого ослабления региональной поляризации был, по сути, тем же, что и породил регионализм – голосование за земляков вне зависимости от политической аффилиации [9, с. 75]. В первую очередь отреагировали на возможность такого ++ протестного, относительно регионального мейнстрима, голосования молодые городские избиратели, в меньшей степени подверженные регионализму. Впоследствии активность и влияние либерального лагеря в регионе росла, что позволило его представителям уже регулярно побеждать на выборах в ряде округов региона, где им ранее редко удавалось набрать более 10%. Пусанский мезорайон стал близок по электоральным показателям к районам Северного макрорайона.

Второе событие – уход из политики "основателя" чхунчхонского регионализма Ким Джонпхилиа в начале 2000-х гг. После этого выраженность регионалистских настроений, в значительной степени завязанных на личность Кима, снизилась, полностью исчезнув к 2012 г.

Из-за смены поколений снижается выраженность регионализма и в ядрах Южного макрорайона – в Хонаме и Йоннаме. Это видно по небольшим, но поступательным количественным изменениям: снижению уровней поддержки консерваторов и либералов в Йоннаме и Хонаме соответственно и по росту их поддержки в "электоральных оплотах" оппонентов. Особенно силен этот процесс в приграничных областях и городах, где высока доля молодёжи, меньше подверженной регионалистским настроениям (рис. 3).

Смена поколений – одна из ключевых причин такой "эрозии" выраженности районных "синдромов" или "темпераментов". Предыдущие поколения социализировались политически в периоды формирования регионального раскола или его максимальной выраженности и остроты. В последние два десятилетия факторы, подпитывающие такое региональное противостояние, уже не наблюдаются, поэтому электоральные расколы внутри молодого электората гораздо в меньшей степени воспроизводят региональный. Это можно рассматривать как проявление национализации политики.

Мезорайоны. На рисунке 2 представлено восемь электоральных мезорайонов, существовавших в 1987–2012 гг. и редуцировавшихся до шести после 2012 г. Два основных – **Хонамский** и **Йоннамский** – ядра Южного макрорайона и были охарактеризованы в предыдущих разделах статьи. **Хосо** обладал схожими паттернами, но его выраженность оказалась слабее, вследствие чего район исчез, став вместе с восточной частью региона Чхунчхон частью Столичного мезорайона. В последнее десятилетие прошлое своеобразие Чхунчхона никак не проявлялось на выборах.

Существует ещё один, кроме значимых количественных различий как между ядрами мезорайонов, так и их приграничными областями, фактор, указывающий на "легитимность" выделения этих мезорайонов именно в таком виде. Соответствующие регионы осознаются политиками и избирателями как обладающие некой спецификой. Зачастую именно в категориях таких объектов (Хонам, Йоннам, Столичный или Пусанский регионы) рассуждают политические акторы, говоря о территориальных аспектах выборов, тем самым используя и воспроизводя их.

Столичный мезорайон не обладает какими-либо специфическими характеристиками, будучи лишь ядром Северного макрорайона. Он выделяется только на фоне периферийных частей макрорайона, обособляющихся как отдельные мезорайоны. Электоральная география Столичного района обусловлена территориальным выражением поколенческого раскола на выборах. Центральные районы городов и сельско-мелкогородская периферия, где преобладает пожилой электорат, стабильно голосуют за консерваторов. Полупериферийные и ряд центральных городских районов, где выше доля избирателей "поколения 586", – основа поддержки либералов. Специфических электоральных особенностей у этой части макрорайона почти нет.

В Северном макрорайоне выделяется ещё три мезорайона: Чеджу, Йондон, Восточный Чхунчхон. Особенность **Чеджу** заключается в изолированности острова (конфигурационный район), а также локализме в виде предпочтения местных политиков прочим и в целом конформности электората, выражавшейся до конца XX в. в стабильной поддержке власти, сменившейся регулярными небольшими колебаниями между основными политическими лагерями, в последние годы уступившими умеренной ориентацией на либералов. По основным электоральным показателям этот мезорайон близок к Столичному.

Йондон – восточная часть провинции Канвондо, отделённая от западной крупным горным хребтом. Относительная изолированность от остальной части провинции и связи с соседним регионом Кёнсан обусловили стабильно более проконсервативную ориентацию мезорайона. В районах, демографически схожих с рядом районов Столичного мезорайона, фиксируется более высокий уровень поддержки консервативных политиков. Это слабовыраженная региональная политическая культура, распространённая на обширной территории, позволяющая выделять эти области в отдельный мезорайон.

Восточный Чхунчхон – мезорайон, отличающийся от Столичного слабовыраженным регионализмом, в соседнем Хосо доминирующим. Здесь нарушены привычные (для остального макрорайона) закономерности электоральной дифференциации пространства, базирующиеся на поколенческом расколе электората. Куда более значимым фактором оказывается "эффект кандидата" – его происхождение и электоральный опыт. Слабая региональная солидарность местного электората – следствие противопоставления избирателей своей части региона западной, откуда происходило большинство регионалистских лидеров (рис. 2). С полным исчезновением регионализма в Хосо электоральные расколы и в Восточном Чхунчхоне утратили мезорайонную специфику, став похожими на преобладающие в остальных частях Северного макрорайона, – произошла национализация выборов в регионе. Оба мезорайона стали частью Столичного и не выделяются на его фоне.

Последний мезорайон – **Пусанский** – принадлежит к Южному макрорайону. Он охватывает урбанизированную приморскую часть юго-востока полуострова от Ульсана до Чханвона. Его можно воспринимать как своеобразную часть Йоннамского мезорайона, не всегда выделяющуюся на выборах, однако не менее обоснованным будет определение его в отдельный мезорайон. Формирование этого района произошло в 1970-х гг. по мере роста оппозиции режиму Пак Чонхи, локализованной в основном в крупных городах. В 1980–2000-х гг. добавилась и фактор личности, сначала одного из оппозиционных лидеров Ким Ёнсама, а позже Но Мухёна и его соратников. Их политическая деятельность усилила противостояние между пусанской и северной частями Кёнсана, окончательно обособив мезорайон.

Заключение

В данной схеме (макро)районирования РК максимизируются качественные различия районов, поэтому на верхнем уровне членения территории страны с одной стороны в отдельные макрорайоны обособляются северные провинции и Чеджудо, с другой стороны – два южных региона. Политика в регионе Чхунчхон длительное время развивалась в стиле, свойственном Южному макрорайону, но на современном этапе Чхунчхон однозначно относится к Северному макрорайону.

Южный макрорайон состоит из двух полярных мезорайонов – Хонама и Йоннама. Первый имеет наиболее стабильную и крайне пролиберальную

ориентацию, второй – проконсервативную. Пусанский мезорайон можно воспринимать и как вложенный в состав Йоннамского мезорайона, периодически обособливающийся от него, и как отдельный мезорайон, не всегда демонстрирующий свою сущность количественно.

Данная схема, разумеется, субъективна. Например, подход "количественника" дал бы деление страны на два или три полярных типологических макрорайона: консервативные южный Сеул, Йоннам, сельскую и мелкогогородскую периферию; либеральные Хонам, южную и западную части Столично-го региона, западный Пусан, пригородные зоны крупных и средних городов; прочие колеблющиеся районы. Эти макрорайоны обладали бы внутренней схожестью электоральных предпочтений, но не внутренней связностью, цельностью и сонаправленностью развития. Внутри них в качестве электоральных районов были бы выделены регионалистские ядра и периферии макрорайонов. Границы между большинством районов всех уровней были бы градиентными и имели бы разный генезис.

Предложенная схема районирования и итоговая сетка макро- и мезорайонов делает больший акцент на качественных характеристиках региональных политических культур или "политических темпераментов" по А. Зигфриду [21, р. 24]. Полученные районы – не просто области со своими электоральными предпочтениями, а почти субъектные сущности, оказывающие фундаментальное влияние на южнокорейскую политику.

Второе важное замечание о сути полученного районирования касается его интерпретации. Предложенные районы не есть некие объективно существующие объекты, их система – лишь способ упорядочивания знания об электоральном пространстве конкретным автором. Существенно добавляет "реальности" этим территориальным отдельностям наделение их политическими смыслами самими политическими акторами и совпадение их контуров с границами административных и исторических регионов. Однако не это делает данную интерпретацию территориальной электоральной структуры РК имеющей, по мнению автора, большую объяснительную силу, чем иные подходы.

Литература / References

1. Аксёнов К. Э. Политико-географические основы функционирования политической системы США. Дисс. ... к. г. н. Л., 1989. 204 с.
Axenov K. The Political and Geographical Foundations of the Functioning of the US Political System. Diss. L., 1989. 204 p. (In Russ.).
2. Андропова Л. А. Формирование и эволюция региональной идентичности в Республике Корея // Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности. Томск, 2015. С. 84–92.
Andronova L. Formation and Evolution of Regional Identity in the Republic of Korea // Problems of Identity and Social Adaptation in History and Modernity. Tomsk, 2015. P. 84–92. (In Russ.).
3. Белов А. Л. Политическая география Канады: регионализм в политической жизни и политической культуре. Дисс. ... к. г. н. Л., 1983. 194 с.
Belov A. Political Geography of Canada: Regionalism in Political Life and Political Culture. Diss. Leningrad, 1983. 194 p. (In Russ.).
4. Зимоха А. Ю. Сравнительный анализ закономерностей электоральной географии в странах разного типа. Дисс. ... к. г. н. М., 2006. 178 с.
Zimoha A. Comparative Analysis of Patterns of Electoral Geography in Countries of Different Types. Diss. Moscow, 2006. 178 p. (In Russ.).
5. Колосов В. А. Проблемы политической географии Италии: по материалам парламентских выборов 1953–1976 гг. Дисс. ... к. г. н. М., 1979. 277 с.
Kolosov V. Problems of Italy's Political Geography: Based on the Parliamentary Elections of 1953–1976. Diss. Moscow, 1979. 277 p. (In Russ.).
6. Петров Н. В., Титков А. С. Электоральный ландшафт России и выборы в Государственную думу 2003 г.: пространственно-временной анализ электоральной динамики // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2004. № 3. С. 18–31.
Petrov N., Titkov A. The Electoral Landscape of Russia and the 2003 Elections to the State Duma: Time-Space Analysis of Electoral Dynamics // Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Geographic series. 2004. No. 3. P. 18–31. (In Russ.).
7. Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник / Отв. ред. А. П. Горкин. Смоленск: Ойкумена, 2013. 328 с.

- Socio-Economic Geography: Concepts and Terms. Dictionary / A. Gorkin (ed.). Smolensk: Ojkumena, 2013. 328 p. (In Russ.).
8. Чернецкий Ф. М. Подходы к электоральному районированию в отечественной науке (по материалам диссертационных исследований) // Географическое страноведение и вызовы меняющегося мира / Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 22 / под. ред. А. С. Наумова. М.: Географический факультет МГУ, 2025. С. 168–185.
 - Chernetskii F. Approaches to Electoral Regionalization in the Russian Science (Based on Dissertation Researches) // A. Naumov (ed.) // Issues of Economic and Political Geography of Foreign Countries. Vol. 22. Faculty of Geography LMSU, Moscow, 2025. P. 172–189. (In Russ.).
 9. Чернецкий Ф. М. Регионализм как ключевой фактор в электоральных процессах в Республике Корея // Вестник российского корееведения. 2022. No. 13. С. 67–81.
 - Chernetskii F. Regionalism as a Key Factor in Electoral Processes in the Republic of Korea // Russian Koreanology Herald. 2022. No. 13. P. 67–81. (In Russ.).
 10. Cho K. Regionalism in Korean Elections and Democratization: An Empirical Analysis // Asian Perspective. 1998. Vol. 22. No. 1. P. 135–156.
 11. Elazar D. American Federalism: A View from the States. NY: Thomas Y. Crowell Company, 1966. 228 p.
 12. Kang W., Bae J. Regionalism and Party System Change at the Sub-national Level: the 2016 Korean National Assembly Election // Journal of International and Area Studies. 2018. Vol. 25. No. 1. P. 93–112.
 13. Kim H., Choi J., Cho J. Changing Cleavage Structure in New Democracies: An Empirical Analysis of Political Cleavages in Korea // Electoral Studies. 2008. Vol. 27. No. 1. P. 136–150.
 14. Kim W. Regionalism: Its Origins and Substance with Competition and Exclusion // Korea Journal. 2003. Vol. 43. No. 2. P. 5–31.
 15. Kwon K. Regionalism in South Korea: its Origins and Role in Her Democratization // Politics & Society. 2004. Vol. 32. No. 4. P. 545–574.
 16. Lee D., Brunn S. Politics and Regions in Korea: An Analysis of the Recent Presidential Election // Political Geography. 1996. Vol. 15. No. 1. P. 99–119.
 17. Lee H., Repkine A. A Spatial Analysis of the Voting Patterns in the South Korean General Elections of 2016 // Social Sciences. 2022. Vol. 11. No. 9. P. 389–412.
 18. Lee H., Repkine A. Changes in and Continuity of Regionalism in South Korea: A Spatial Analysis of the 2017 Presidential Election // Asian Survey. 2020. Vol. 60. No. 3. P. 417–440.
 19. Park B. Territorialized Party Politics and the Politics of Local Economic Development: State-led Industrialization and Political Regionalism in South Korea // Political Geography. 2003. Vol. 22. No. 8. P. 811–839.
 20. Republic of Korea. National Electoral Commission (NEC). URL: <https://www.nec.go.kr/site/nec/main.do> (дата обращения: 07.02.2025).
 21. Siegfried A. Tableau Politique de la France de l'Ouest Sous la Troisième République. A. Colin, 1913. 536 p.
 22. Sonn H. Regional Cleavage in Korean Politics and Elections // Korea Journal. 2003. Vol. 43. No. 2. P. 32–54.
 23. Wong J., Hicken A., Kuhonta E. South Korea's Weakly Institutionalized Party System // Party System Institutionalization in Asia: Democracies, Autocracies, and the Shadows of the Past. 2014. P. 260–279.
 24. Yea S. Maps of Resistance and Geographies of Dissent in the Cholla Region of South Korea // Korean Studies. 2000. Vol. 24. No. 1. P. 69–93.
 25. 김욱, 유재일, 유병선. 충청 지역 정치의 최근 변화와 충청 지역주의 = Ким Ук, Ю Джэиль, Ю Бёнсон. Недавние изменения в чхунчхонском регионализме и политике // 비교민주주의연구 = Сравнительные демократические исследования. 2015. Vol. 11. No. 2. P. 45–75.
 - Kim W., Yoo J., Yu B. Recent Changes in the Chungchung Regional Politics and Chungchung Regionalism // Comparative Democratic Studies. 2015. Vol. 11. No. 2. P. 45–75. (In Kor.).

Информация об авторе

Фёдор Михайлович Чернецкий, аспирант, инженер кафедры социально-экономической географии зарубежных стран Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, e-mail: fedor.mche@gmail.com

Information about the author

Fedor M. Chernetskii, Postgraduate Student, Engineer, Department of Human Geography of Foreign Countries, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, e-mail: fedor.mche@gmail.com

Поступила в редакцию 12.03.2025

Одобрена после рецензирования 17.05.2025

Принята к публикации 26.05.2025

Received 12.03.2025

Approved 17.05.2025

Accepted 26.05.2025